

Васильев Рождение театра

Сцена из спектакля «Моцарт и Сальери». Моцарт — И. Яцко, Сальери — В. Лавров (трагически погиб)

решился разыгрывать свой спектакль перед олимпийцами?.. Конечно, дышать этим высокогорным воздухом нелегко, некоторые смертные заживо вмерзают в лед и становятся прекрасной инсталляцией. Однако, как столичный город не стоит без праведника, так театр немалым без трагического поэта, чаще выбирающего молчание как наиболее совершенную форму диалога.

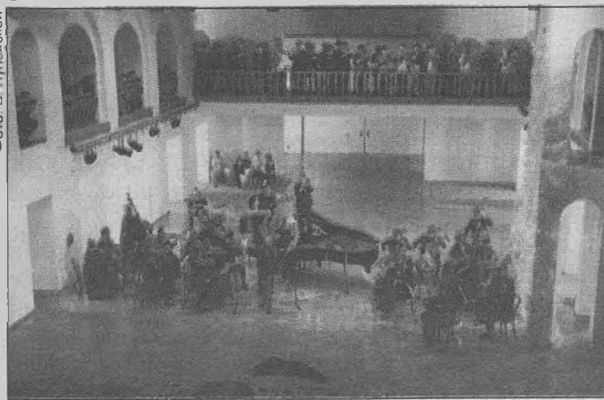
Эммануил Виторган, артист Театра имени В. В. Маяковского
Анатолий Васильев — это удивительное явление. Бесконечно талантливый, бесконечно преданный театру человек, для которого, кроме дела, ничего не существует. Так мы его всегда воспринимали, работая с ним, так продолжаем его воспринимать и до сих пор. Мне очень повезло в жизни, я встречался с замечательными режиссерами — Георгием Товстоноговым, Леонидом Варпаховским, Марьей Кнебель. Все, что я имею сегодня в профессии, — это заслуга моих учителей, режиссеров и партнеров, с которыми я в своей жизни встречался. Но работа с Васильевым дала мне как актеру то, чем я пользуюсь и по сей день. Когда-то Анатолий Васильев, Иосиф Райхельгауз и Борис Морозов вместе со своим учителем Андреем Алексеевичем Поповым пришли в Театр имени Станиславского. Это был период высокого взлета театра. Анатолий Васильев поставил «Первый вариант «Вассы Железновой», и, на мой взгляд, это был просто образец настоящей режиссуры, спектакль, который до сих пор

у нас есть в режиссуре звезды, то их очень немного, и среди них одно из самых важных мест занимает звезда Анатолия Александровича Васильева. Созданный им центр «Школа драматического искусства» очень важен для развития сегодняшнего русского театрального искусства. Не зря он получил название Театра Европы — это же высочайший статус! Но, к сожалению, мы в нашей стране начинаем ценить все настоящее только после того, как оно исчезает. Васильеву могут предъявлять какие угодно претензии, но его заслуги перед современным театром поистине неопределимы. Долгих лет во благо всем нам, Анатолий Александрович!

Галина Тюнина, актриса Мастерской Петра Фоменко

Для меня большая честь поздравить Анатолия Александровича с 60-летием. Сказать «спасибо» человеку, всю свою жизнь посвятившему театру, и только театру: и за все поставленные им спектакли, и за ту философию, на которой основана «Школа драматического искусства». Когда я поступила в ГИТИС к моему мастеру Петру Фоменко, Васильев набирал заочный курс. Практически мы учились параллельно. У нас было много связующих идей. Студентами мы всегда стремились попасть в «Школу»: и спектакли, и показы лаборатории были для нас радостным и волнующим событием. Я благодарна Васильеву именно за эти годы обучения: пусть оно и было косвенным. Я и сейчас учусь у Васильева: слежу за его работой и работами его учеников, плодами лабораторного направления театра, — это я тоже считаю школой. Мы, «васильевцы» и «фоменки», всегда испытывали огромный взаимный интерес к школам наших мастеров. Они абсолютно полны, но именно потому, что занимаются одним и тем же. И чем

Концерт, посвященный открытию сцены «Манеж». Театральная Олимпиада, Москва, 2001

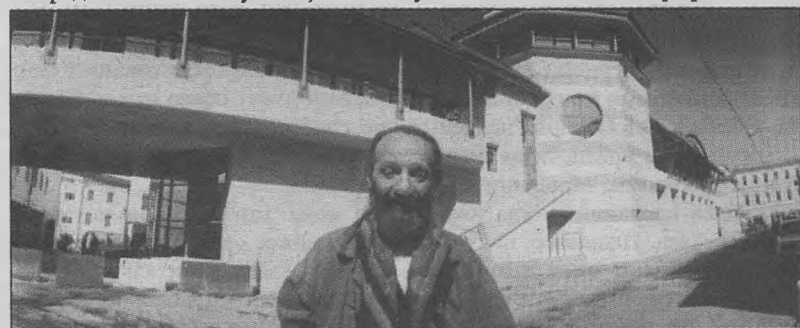

может служить учебником для множества режиссеров. Я не принимал участие в той постановке и поэтому смело могу говорить о ее высочайшем уровне. Потом были «Взрослая дочь молодого человека» и «Серсо», имевшие поистине огромный резонанс в обществе. Должен сказать, что Анатолий Александрович — один из очень немногих режиссеров, который умеет так разобрать материал, что ты бу-

сильнее они разнесены в пространстве, в своих методах и возможностях, тем более явно видна та суть, которая объединяет театр Васильева и театр Фоменко. Форма театра может быть разной: репертуарной или нет, — не важно. Результат лаборатории может быть проявлен через много лет, в новой генерации актеров и режиссеров. Это — неизведанно, будущее — это тайна. Поздравляя Васильева, хочу пожелать ему сил: душевных и физических. Мы верим и надеемся, что очень скоро сможем увидеть спектакли великого режиссера на сцене его нового театра на Сретенке.

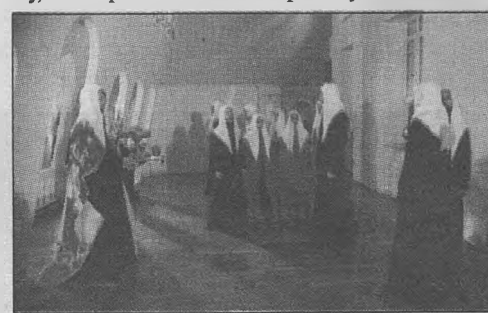
Зара Абдулаева

Небрежение легкой славой обеспечило Анатолию Васильеву судьбу избранника. Он очень русский режиссер еще и в том смысле, что не отказался от романтического понимания образа театра как образа жизни. Эта, казалось бы, консервативная позиция на самом деле обеспечила триумф его радикального искусства, волевые усилия человека с биографией.

Анатолий Васильев у здания театра на Сретенке

И строителя театра — в сущности, «школы жизни». Эта уникальная школа разместилась, наконец, в грандиозном городе-театре на Сретенке, где широкие улицы ведут в старинные, как шекспировский «Глобус», и суперсовременные пространства. Именно здесь, на просторах нового здания, в этой театральной фабрике грез осуществляются новые, но по-прежнему альтернативные буржуазной сцене, утопии Васильева. Реализуются его идеи, которым давно тесно в подвале на Поварской. Васильев — достояние Москвы — остановил эстетическое загнивание нашего театра. Возродил «интернационализм русской режиссуры» (Мейерхольд). Его работы здесь и на Западе основаны не столько на мастерстве постановщика, сколько на экспериментальном театральном мышлении. Не ремесленные — поражающие постановочные трюки занимают режиссера, но поиски новаторских подходов к сценическому действию, к профессиональным навыкам актера, к изучению природы и внутренних закономерностей человека играющего, без артикуляции которых немислимы жизнь-театр-школа Васильева. Да, он позволяет себе роскошь и сегодня задаваться вопросами профессии, а не гнать вал модных спектаклей, которые запахло сочинять тому, кто променял ежевечерний успех на «величие замысла». Он не предал

Сцена из спектакля «Плач Иеремии». Композитор — В. Мартынов. Исполняет ансамбль «Сирин»

своего предназначения. Причем и в те времена, когда на его спектакли в театре Станиславского или на Таганке ломилась публика, и в годы, когда он ушел в самовольное изгнание, в плодотворное катакомбное существование. Два, по крайней мере, обстоятельства сыграли фундаментальную роль в счастливой судьбе педантичного безумца Васильева. Первое связано с решением выйти за пределы привычного понимания театра. Необходимость альтернативной школы, студийной несуетной общности становится залогом преодоления академической (точнее, квазиакадемической) рутины и возможностью избавиться от ее растлевающих последствий. Второе обстоятельство, которое избавило уязвимого победителя Васильева от статуса поп-звезды, обязано его убеждению в необходимости «не жалеть потерянного времени». Ведь только оно и дает надежду сделать что-нибудь живое. Завистники и ревнители псевдоавангардных зрелищ обвиняли его в герметизме-снобизме. А гениальный стратег Васильев с испуганной сосредоточенностью гнул свое, загонял себя в угол, репетировал с актерами, порывал с собственными достижениями. Но при этом не отрекался от них. Он создал шедевры психологического театра, занимался мистериальными формами, разрабатывал для каждого спектакля индивидуальную эстетику, в которой синтезировал опыт архаической и современной театральной практики. Свой юбилей Васильев встречает «Амфитрионом» Мольера на сцене «Комеди Франсез» и выдающейся «Медеей» по пьесе Хайнера Мюллера в студии на Поварской, завершившей его многолетние труды в «Школе драматического искусства». Очень простым и очень сложным — волнующим интеллектуальным спектаклем. Мифологический материал откликнулся здесь внебытовым устремлением режиссера, а искусственная ритмика речи приобрела интимное и вместе с тем экзотическое звучание трагедии дель арте. Васильев выводит французскую актрису Валери Древилль за границы легендарной роли и превращает в героиню поставангардного спектакля. Требуя от себя и своих артистов невозможного, Васильев это требование реализует. Вот в чем загадка его персонального мифа, не говоря об иррациональном воздействии васильевских театральных уроков. С днем рождения, Анатолий Александрович!

Васильев — это миф
7.5.02